

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Я ВСЕ
СКАЖУ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Серийное оформление *Д. Васильченко*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Я все скажу : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215178-1

Убит знаменитый актер Андрей Грузинцев — в своем особняке, на собственном юбилее, в окружении семьи и многочисленных гостей. С его пальца исчез старинный перстень.

И лишь единственный гость на празднике, поэт Богоявленский, знает, сколь знаменито и драгоценно это кольцо, некогда принадлежавшее самому Пушкину.

Но Богоявленского задерживают по подозрению в убийстве. И неспроста — ведь у него было намерение похитить перстень.

Сможет ли он оправдаться, самостоятельно найти убийцу и заполучить волшебное кольцо, которое передавали друг другу лучшие российские поэты?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215178-1

*Наши дни: сентябрь 2021.
Николина Гора, Подмосковье, Россия*

...Когда свет наконец включился, бездыханное тело актера лежало на полу. Перстня на пальце его не было...

*История перстня (версия) — глава первая
Более двухсот лет назад. Май 1820 года
Санкт-Петербург, Российская империя*

Пушкин сел в самой непринужденной позе.

На душе его скребли кошки.

Хотя Милорадович принял его со всей любезностью. Ласково пожал руку, предложил опуститься в мягкие кресла, сам устроился напротив и, глядя на поэта, сердечно улыбался.

Но все же, все же, все же... Милорадович — военный генерал-губернатор Петербурга. После государя — в столице первое лицо. А противоправительственные, афеистические и возмутительные стихи, написанные юным стихотворцем Пушкиным, стали в последнее время слишком многим известны, широкое хождение приняли среди вольнодумной молодежи — да и не только молодежи!

Шпик недавно приходил на квартиру, где проживал юный пиит, и предлагал Никите, дядьке, пятьдесят рублей — огромные деньги! — за то, чтобы ознакомиться с тетрадами хозяина.

Тучи явно сгущались. И вот — вызов к самому генерал-губернатору, пусть на квартиру, в частном порядке — да все равно могло кончиться плохо. Сибирью, прямо скажем, попахивало.

И еще звоночек: принимал его Милорадович не в частном, партикулярном костюме, а в мундире, да с орденами: красный вензель, желтый погон, зеленый воротник.

Радушная улыбка боевого генерала, храбрца, жуира и бонвивана, хоть и вселяла надежды на благополучный исход дела, могла на деле оказаться обманчивой — кто знает, что на уме у этого красавца-сербца, пятидесятилетнего старика, по-прежнему волочащегося, как в юности, за актрисками и балеринами!

С первых слов разговор, однако, складывался для двадцатилетнего стихотворца куда как благоприятно. Как часто случалось среди дворянского сословия, начался он с родства.

— Ну, бог мой! — проговорил храбрец-генерал любимую свою приговорку и оглядел юного Пушкина, словно любуясь им чуть не как собственным родственником, плодом чресел своих. — Вырос-то как, повзрослел! А я ведь, Александр Сергеич, батюшку вашего, Сергея Львовича, да и дядюшку, Василия Львовича, хорошо знал. В Измайловском полку с обоими вместе служили-с. До вашего

рождения-с, *вследствие чего*, — повторил он еще одно свое любимое выражение, — не имел удовольствия вас, Александр Сергеич, тетешкать и нянчить.

Разговор и впрямь получался чуть не родствен- ный, будто дядюшка с любимым племянником, с коим вечность не виделся, вдруг повстречался.

Что на подобные излияния генералу ответишь! Сказать, что и отец с дядей ему, в свою очередь, о нем говорили? Да ведь не сказывали они! Хотя, с другой стороны, кто Милорадовича, любимца Суворова, героя Отечественной войны и одного из победителей Буонапарте, не знает!

Ответствовал Пушкин выдержанно:

— Благодарю, Михаил Андреевич, за то, что помните родственников наших.

Милорадович смерил его взглядом, как бы го- воря: эх ты скуп на слова, братец, со мною. Нешто боишься?

— У вас ведь, Александр Сергеич, первая кни- га из печати выходит? — вдруг любезно осведо- мился боевой генерал, весь усыпанный наградами: один орден Андрея Первозванного чего стоит.

— Да, довольно скоро. Уже печатается в типо- графии. Поэма, называется «Руслан и Людмила».

— Я, конечно, чрезвычайно далек от дел из- дательских да писательских, — продолжил ге- нерал. — Но вот слышал я, что за рубежами нашего Отечества, в Англии, а в особенности в Северо-Американских Соединенных Штатах, ли- тераторы, в видах привлечения внимания к своей

новинке, зачастую устраивают вокруг сего предмета или собственной особы какое-либо скандальное происшествие. *Вследствие чего* она книга начинает гораздо лучше расходиться.

Разговор принимал странный оборот.

— Надеюсь, моя пьеса будет иметь успех без подобных происшествий.

— О да, не сомневаюсь. Вся молодежь вас читает! И все же нота скандала никому еще из литераторов не мешала... Если б вдруг пошли вокруг вашей персоны различные разговоры... Кривотолки, слухи... К примеру, что пригласил вас генерал-губернатор Санкт-Петербургский, то бишь ваш покорный слуга, да и накричал на вас, к примеру? Разнос устроил? Или знаете еще, что про меня злые языки сказывают: дескать, имеется у меня прямо здесь, в кабинете, тайный люк. И люк этот иногда посредством особенного секретного рычага неожиданно раскрывается, *вследствие чего* персона, на прием ко мне приглашенная, падает в подвал — но не разбивается, потому как подстелена там, внизу, под люком оным, солома. Однако, когда окажется внизу неугодный мне посетитель, тогда якобы хватает его особый человек, заплечных дел мастер, да высыпает ему горячих!

Пушкин весь побледнел и приподнялся со стула, выпрямился гордо. Внутри все кипело, голос дрожал:

— В таком бы случае... В случае подобных разговоров пришлось бы мне, невзирая на ордена и седины ваши, милостивый государь, вызвать на

поединок и вашу особу — и всех прочих, кто о подобном происшествии хоть бы раз заикнулся!

— О, горяч, горяч! — воскликнул, словно любуясь собеседником, Милорадович. — Ну, мой бог! Да вы не кипятитесь бы, Александр Сергеич! Никто на афедрон ваш ни в буквальном смысле, ни в переносном покушаться не будет! Как вы там писали, в стишке-то вашем? Как бишь... Кто-то там жирный свой афедрон подтирает коленкором... А далее вроде так: «Я же грешную дыру не балую детской модой и какой-то жесткой одой, хоть и морщусь, да и тру...»¹ Хе-хе-хе...

— Не «какой-то», — вымолвил Александр Сергеевич, свирепо глядя исподлобья. Гнев его не прошел, лишь отчасти схлынул, — не «какой-то» одой, а «Хвостова жесткой одой».

— Хвостова? Ха-ха-ха! Этого сочинителя? Ну, мой бог! Значит, признаете? — воскликнул генерал-губернатор. — Признаете, что вы, Александр Сергеевич, и есть автор сих стишков? Про афедрон?

— Да ведь кто еще, кроме меня, столь легко да остроумно нынче напишет! — сверкнул глазами поэт.

— Вот! А я говорил! — Хотя непонятно было, что, кому и когда говорил генерал. — Но ведь иные сплетники утверждают: что сия эпиграмма, названная в списках «Ты и я», в авторстве которой вы сейчас признались, адресована не

¹ Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Ты и я».

куда-нибудь, а... — Генерал поднял глаза до того высоко, что они аж закатились за верхние веки, и добавил полнейшим шепотом, еле шелестя губами: — Самому государю. А между тем, — голос его приобрел прежнюю чеканную силу, — особа государя-императора есть священная и неприкосновенная, *вследствие чего* — есть такое мнение — сочинителя этого и подобных пасквилей следует подвергнуть примерному наказанию, чтоб другим неповадно было.

— Да, пиеса эта моя, — спокойно проговорил Пушкин, — однако только люди, священную особу (как вы изволили выразиться) вовсе не уважающие, способны вообразить, что сей пасквиль к ней адресован. На деле же посвящен он моему другу-стихотворцу, да и все дела.

— Вот как! Ловко! — Непонятно было, что Милорадович имеет в виду: ловко сочинитель написал свою пиесу или отказался от обвинений? — А вот это, скажите, ваше сочинение? — Генерал вытащил из верхнего ящика письменного стола рукописный список. — Где тут, бишь. А, вот, помечено: «...Здесь Барство дикое, без чувства, без закона, Присвоило себе насильственной лозой И труд, и собственность, и время земледельца...»¹ — Оторвался от листка, взглянул орлиным взором, как бы говоря: «Что на это скажешь, приятель?»

— Да, стихи это мои, — с вызовом произнес поэт. Если бы в иные, более поздние времена

¹ А. С. Пушкин. «Деревня».

происходила эта встреча, можно было бы написать, что поглядел он на генерала, словно «партизан на допросе». Но до жестоких допросов, которые еще воспоследуют в сих краях в двадцатом веке, оставалось плюс-минус целое столетие, поэтому уподобление сие сочтем здесь неуместным и развивать не будем. А поэт добавил:

— Мои эти слова. Как и следующие, из той же пьесы: «Здесь девы юные цветут для прихоти бесчувственной злодея!»¹

Поговаривали, что сам Милорадович, как и неназванный герой обличительной пушкинской «Деревни», будучи человеком холостым, утешается в объятиях дворовых девок. Не говоря уже о Катеньке Телешовой, звезде балета императорских театров, на тридцать лет и три года генерала младше, с коей как раз начинал он в те дни свой роман, оказавшийся впоследствии весьма продолжительным.

Однако напрасно Пушкин попытался смутить градоначальника. Совершенно не принял на свой счет пассаж о юных девах и бесчувственном злодее генерал-губернатор. Или сделал вид, что не принял. Продолжил дуть в свою дуду:

— Коротко говоря, толки о ваших возмутительных стихах дошли до самого государя, и его величество выразили свое ими неудовольствие. — Милорадович выдержал внушительную паузу, во время которой юный поэт изрядно побледнел.

¹ А. С. Пушкин. «Деревня».

Фрондировать, разумеется, можно сколько угодно, но сама идея о том, что первое лицо государства тобой и твоим поведением недоволено, любого храбреца способно оледенить. Слишком хорошо знал Александр, чем заканчивалось монаршее неприятие писаний Радищева или Новикова. Конечно, Пушкин не «Путешествие из Петербурга в Москву» создал и не журналы сатирические, однако его эпиграммы, пьесы да оды по совокупности легко могли привести в ссылку, а то и в Соловки или даже в крепость.

Милорадович продолжал:

— Вследствие неудовольствия эпиграммами вашими государь поручил мне призвать вас к себе и... — новая пауза: — по-отечески пожурить.

«Пожурить? И только?» — едва не воскликнул облегченно бедный сочинитель.

— Но я имел смелость высказать иное соображение, с которым его величество, вследствие размышления, согласился. Итак, мне было высочайше повелено, что вас, Александр Сергеевич, следует призвать на службу.

— Так ведь я служу! — недоуменно воскликнул бедный сочинитель.

— По коллегии иностранных дел, не правда ли? — со знанием дела спросил Милорадович.

— Да, коллежский секретарь.

— И в то же время вы, невзирая на молодость, один из выдающихся умов империи. Быстрый, ясный, острый, наблюдательный! Ваши стихи и суждения свидетельствуют о том, что вы, Алек-

сандр Сергеевич, личность самая незаурядная, и карьера, которая перед вами могла бы открыться, без сомнения, способна привести вас на самые высокие позиции в обществе и государстве!

— Боюсь, любезный Михаил Андреевич, служебный карьер, пусть самый блестящий, не влечет меня с такой же силою, как участь литератора, стихотворца.

— Но вот ваш знакомец, друг и тезка Грибоедов Александр Сергеевич — он не только литератор, но и служит нынче при посольстве России в Персии. *Вследствие чего* не только приносит несомненную пользу Отечеству своему, но и получает бесценный жизненный и человеческий опыт, который окажет, несомненно, влияние на его литературные занятия! А вы, Александр Сергеевич? Неужели не хотели бы послужить Отчизне своей — как мы служили ей на поле брани!

— Да, но сейчас никакой брани нет.

— Это только видимость, дорогой Александр Сергеевич. Брань, как вы говорите, а иными словами, соперничество между великими державами есть всегда. Постоянно между ними идут войны — порой незримые, но от этого не менее важные и кровопролитные... Впрочем, довольно предисловий! Я хочу, от имени государя, предложить вам миссию сколь же тайную, столь и важную, и опасную. О самом этом особом поручении никто не будет знать, кроме вас, меня и государя-императора. Поэтому прошу вас! Вы, разумеется, можете отказаться от предлагаемой вам миссии, но

в таком случае я попрошу сохранить мои слова в сугубой тайне.

— Я никому и никогда не давал повода усомниться в крепости моего слова.

— Сразу хочу предварить мой рассказ. Речь пойдет не о презренном шпионстве или предательстве. Но нам, государству и государю, нужен ваш свежий, цепкий взгляд. И ваш острый ум.

— О чем же вы говорите, позвольте осведомиться?

— На наши южные земли проник Враг. Там свила гнездо настоящая Измена. И речь не о масонских ложах и даже не о тайных обществах, которые во множестве благодаря милостивой снисходительности нашего государя стали появляться в державе нашей и в которые, насколько я знаю, и вас тоже успели едва ли не заманить друзья ваши. Бог с ними! Это все детские игры, не угрожающие Престолу и Отечеству. Беда заключается в том, что среди самых высоких чинов наших появился шпион, который информирует заграничных недругов обо всех делах и приуготовлениях государства нашего, в том числе тайных, дипломатических и военных. И миссия, которую сам государь, через мое посредство, имеет честь поручить вам, заключается в следующем: вам надобно выявить и разоблачить этого негодяя.

— Разоблачить? Но почему — мне?! Я стихотворец! Поэт! Гуляка праздный!

— Именно поэтому! Вы поэт — значит, у вас, Александр Сергеевич, острый ясный взгляд и

быстрый ум. Вы — стихотворец, да еще известный противуправительственными стихами, — значит, никто даже не заподозрит, что миссия по разоблачению иностранного конфидента¹ лежит на вас, значит, и он, оказавшись в вашем обществе, останется расслаблен и уверен в себе...

— Да смогу ли я?! По адресу ли вы обратились?

— Но у вас, боюсь, не остается особенного выбора. Поручение мое (и государя) будет для вас означать немедленный отъезд из столицы. Но удалиться вам придется в любом случае. Либо в края достаточно отдаленные — в качестве ссылки за ваши противуправительственные стихи. Либо для выполнения тайной миссии. Притом всем вокруг, и друзьям, и даже семье вашей будет объявлено, что вы удаляетесь из Санкт-Петербурга именно вследствие вашего поведения и в целях дальнейшего исправления. Лишь мы с вами и государь-император будем знать, что ваше изгнание связано с выполнением сугубо конфиденциального поручения.

— Куда же мне предстоит отправиться? И что делать?

— Я расскажу вам, что от вас потребуется. Вы же, в свою очередь, будете отчитываться о выполнении вашей миссии только лично передо мной либо перед человеком, кто покажет вам сей перстень.

¹ В те времена конфидентами именовали шпионов, действующих в интересах иностранных держав.